

Иван-крестьянский сын

Издательство
„Детская литература"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иван-крестьянский сын

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Составление и предисловие
В. АНИКИНА

Оформление
И. КУЗНЕЦОВА

По рисункам
К. КУЗНЕЦОВА
гравировал
Л. БЫКОВ

И18 **Иван** — крестьянский сын. Русские народные сказки. Переиздание. Сост. и предисл. В. Аникина. Оформл. И. Кузнецова. М., «Дет. лит.», 1975.

128 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книгу «Иван — крестьянский сын» входят русские народные сказки в обработке А. Афанасьева, Л. Толстого, А. Толстого, М. Булатова, А. Нечаева и других писателей. Здесь есть и волшебные сказки, и бытовые, и сказки о животных. Составил сборник и написал предисловие В. Аникин.

И $\frac{70802-300}{М101(03)75}$ 133—75

РФ

СМЫСЛ СКАЗОК

Не много в искусстве таких совершенных произведений, как народные сказки. Пушкин писал из деревни брату: «...Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

В сказках найдётся всё: и очарование высокого вымысла, и мужественная героика, и весёлая шутка, и — это самое главное — невероятная выдумка. Без чудес нет сказок. Что ни сказка — то новое чудо! Иван—крестьянский сын сразился с многоголовым чудовищем... Прекрасную царевну колдун превратил в лягушку... Из косточек коровы выросла золотая яблонька с наливными яблоками... На сером волке верхом царевич доскакал до далёкого царства, откуда прилетает Жар-птица... Гуси-лебеди унесли мальчика, оставленного без присмотра... Всесильный Морозко одарил крестьянскую девушку бесценными подарками... Испил Иванушка водицы из козьего копытца и стал козликом, а когда пришло время, перекинулся через голову и обернулся мальчиком...

Какой же смысл у этой выдумки?

В сказках нет непоправимых бед и несчастий. Сказки наказывают злодеев, делают удачливыми добрых, мужественных, справедливых людей. Иван поверг наземь чудо-юдо и убил его — «без страха люди жить стали». Спали чёрные чары — и лягушка стала снова прекрасной царевной. Всеми презираемая и гонимая падчерица счастливо вышла замуж за доброго молодца. Серый волк оживил убитого царевича. Сестра с братом спаслись — не догнали их зловещие гуси-лебеди... Сказки кончаются счастливо, и выдумка избавления от бед

так увлекательна, что хочется верить в чудеса. Сказочники, однако, нередко кончают рассказ словами: «Стали жить да поживать, гулять да пировать. На том пиру и я был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало». Слушатель должен знать, что сказка — выдумка, доброе пожелание, надежда. Тем сказки и привлекательны. Они не обманывают, они очаровывают, а мечта делает человека сильным, окрыляет.

Есть и другие сказки. В них дана воля шутке. Пойманная Емелей щука сделала возможным невозможное: вёдра сами пошли с реки в избу — и не расплескали воды; топор сам нарубил дров, а печь сошла с места и поехала по деревенской улице — дурачок попал к царю, во дворец... Смысл таких сказок — в насмешке. Высмеиваются царь, царские слуги, барин, поп, жадные, хитрые, скупые люди. Сказочники смеются и над самим мечтанием, если оно пустое. Шёл по полю мужик — увидел зайца и размечтался: «Зайца убью, продам, куплю на те деньги свинушку, у неё будут поросята, выращу их — продам; стану богат, женюсь; вырастут дети, буду их учить — чтобы не притесняли людей, крикну: «Эй вы, ребята!» Крикнул громко — спугнул зайца. Убежал заяц — унёс всё «богатство»!

Шуткой и насмешкой проникнуты и сказки о животных — о проделках лисы, глупости волка и медведя, о петухе, журавле, цапле, раке. Лиса хотя и хитрит, но и сама попадает впросак: за жадность журавль наказал её — оставил без угощения, подал окрошку в кувшине, а у кувшина узкое горло — не достать окрошки лисе. А вот захотела лиса выучиться летать, но не полетела — упала в болото. Есть сказка, в которой говорится, что лиса даже утонула: вздумала топить кувшин, да и сама с ним пошла ко дну. И хотя в сказках действуют животные, но в их характерах мы узнаём людей — чаще всего хитрых, жадных, скупых, трусливых. Так нам открывается серьёзный человеческий смысл и этих сказок.

❀❀❀

Для этой книги взяты подлинные сказки — они записаны от народных сказочников, но по большей части обработаны мастерами-художниками: известным собирателем и издателем сказок Александром Николаевичем Афанасьевым, писателями — Алексеем Николаевичем Толстым, Борисом Викторовичем Шергиным, Александром Николаевичем Нечаевым, Михаилом Александровичем Булатовым и другими. Сказка «Зайцы и лягушка» пересказана Львом Николаевичем Толстым, а сказка «Лиса и кувшин» — Константином Дмитриевичем Ушинским, знаменитым педагогом-учёным.

В. Аникин

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЧУДО-ЮДО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они — не ленились, с утра до ночи трудились: пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве дурная весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, все города-сёла огнём спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А старшие сыновья утешают их:

— Не горюйте, батюшка и матушка! Пойдём мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть! А чтобы вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка останется: он ещё очень молод, чтоб на бой идти.

— Нет, — говорит Иванушка, — не хочу я дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!

Не стали старик со старухой его удерживать да отговаривать. Снарядили они всех троих сыновей в путь-дорогу.

Взяли братья дубины тяжёлые, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали.

Долго ли, коротко ли ехали — встречается им старый человек.

— Здоро́во, добрые молодцы!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда это вы путь держите?

— Едем мы с поганым чудом-юдом биться, сражаться, родную землю защищать!

— Доброе это дело! Только для битвы вам нужны не дубинки, а мечи булатные[1].

— А где же их достать, дедушка?

— А я вас научу. Поезжайте-ка вы, добрые молодцы, всё прямо. Доедете вы до высокой горы. А в той горе — пещера глубокая. Вход в неё большим камнем завален. Отвалите камень, войдите в пещеру и найдёте там мечи булатные.

Поблагодарили братья прохожего и поехали прямо, как он учил. Видят — стоит гора высокая, с одной стороны большой серый камень привален. Отвалили братья тот камень и вошли в пещеру. А там оружия всякого — и не сочтёшь! Выбрали они себе по мечу и поехали дальше.

— Спасибо, — говорят, — прохожему человеку. С мечами-то нам куда сподручнее биться будет!

Ехали они, ехали и приехали в какую-то деревню. Смотрят — кругом ни одной живой души нет. Всё повыжжено, поломано. Стоит одна маленькая избушка. Вошли братья в избушку. Лежит на печке старуха да охает.

— Здравствуй, бабушка! — говорят братья.

— Здравствуйте, молодцы! Куда путь держите?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост. Хотим с чудом-юдом сразиться, на свою землю не допустить.

— Ох, молодцы, за доброе дело взялись! Ведь он, злодей, всех разорил, разграбил! И до нас добрался. Только я одна здесь уцелела...

---

[1] Меч булатный — меч из особенно прочной стали.

Переночевали братья у старухи, поутру рано встали и отправились снова в путь-дорогу.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. По всему берегу лежат мечи да луки поломанные, лежат кости человеческие...

Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

— Ну, братцы, — говорит Иван, — заехали мы в чужедальнюю сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди в дозор ходить[1], чтоб чудо-юдо через калиновый мост не пропустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прошёл он по берегу, посмотрел за реку Смородину — всё тихо, никого не видать, ничего не слыхать. Лёг старший брат под ракитов куст и заснул крепко, захрапел громко.

А Иван лежит в избушке — не спится ему, не дремлется. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине.

Смотрит — под кустом старший брат спит, во всю мочь храпит. Не стал Иван его будить. Спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — подъезжает чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста—конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ощетинился.

Говорит чудо-юдо шестиголовое:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, чёрный ворон, встрепенулся? Почему ты, чёрный пёс, ощетинился? Или вы чуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился! Я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван — крестьянский сын из-под моста и говорит:

— Не хвались, чудо-юдо поганое! Не подстрелил ясного сокола — рано перья щипать! Не узнал доброго молодца — нечего срамить его! Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

[1] В дозор ходить — сторожить, охранять.

Вот сошлись они, поравнялись, да так ударились, что кругом земля загудела.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван — крестьянский сын с одного взмаха сшиб ему три головы.

— Стой, Иван — крестьянский сын! — кричит чудо-юдо. — Дай мне передохнуть!

— Что за отдых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна. Вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились.

Иван — крестьянский сын отрубил чуду-юду и последние три головы. После того рассек туловище на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся и спать улёгся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала!

Иван ему ни словечка на это не сказал.

На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, походил, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он тотчас снарядился, взял свой острый меч и пошёл

к реке Смородине. Спрятался под калиновый мост и стал караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — подъезжает чудо-юдо девятиголовое. Только на калиновый мост въехал — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ощетинился... Чудо-юдо коня плёткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам.

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, чёрный ворон, встрепенулся? Почему ты, чёрный пёс, ощетинился? Или чуете вы, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван — крестьянский сын из-под калинового моста:

— Погоди, чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Ещё посмотрим, чья возьмёт!

Как взмахнул Иван своим булатным мечом раз-другой, так и снёс у чуда-юда шесть голов. А чудо-юдо ударил — по колени Ивана в сырую землю вогнал. Иван — крестьянский сын захватил горсть песку и бросил своему врагу прямо в глазищи. Пока чудо-юдо глазищи протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом рассек туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Лёг и заснул, будто ничего не случилось.

Утром приходит средний брат.

— Ну что, — спрашивает Иван, — не видал ли ты за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал.

— Ну, коли так, пойдёмте со мной, братцы дорогие, я вам и комара и муху покажу.

Привёл Иван братьев под калиновый мост, показал им чудо-юдовы головы.

— Вот, — говорит, — какие здесь по ночам мухи да комары летают. А вам, братцы, не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья.

— Сон, — говорят, — повалил...

На третью ночь собрался идти в дозор сам Иван.

— Я, — говорит, — на страшный бой иду! А вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой посвист — выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришёл Иван — крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым мостом, дожидается.

Только пошло время за полночь, сырая земля заколебалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завыли, на дубах орлы закричали. Выезжает чудо-юдо двенадцатиголовое. Все двенадцать голов свистят, все двенадцать огнём-пламенем пышут. Конь у чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медная, хвост и грива железные. Только въехал чудо-юдо на калиновый мост — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, чёрный пёс позади ощетинился. Чудо-юдо коня плёткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам!

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, чёрный ворон, встрепенулся? Почему, чёрный пёс, ощетинился? Или чуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: только дуну — и праху его не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван — крестьянский сын.

— Погоди, чудо-юдо, хвалиться: как бы тебе не осрамиться!

— А, так это ты, Иван — крестьянский сын? Зачем пришёл сюда?

— На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей храбрости испробовать!

— Куда тебе мою храбрость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван — крестьянский сын чуду-юду:

— Пришёл я не сказки тебе рассказывать и не твои слушать. Пришёл я насмерть биться, от тебя, проклятого, добрых людей избавить!

Размахнулся тут Иван своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чирк-

нул по ним своим огненным пальцем, к шеям приложил и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Ивану: чудо-юдо свистом его оглушает, огнём его жжёт-палит, искрами его осыпает, по колени в сырую землю его вгоняет... А сам посмеивается:

— Не хочешь ли ты отдохнуть, Иван — крестьянский сын?

— Что за отдых? По-нашему — бей, руби, себя не береги! — говорит Иван.

Свистнул он, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья его дожидались. Рукавица все стёкла в окнах повыбила, а братья спят, ничего не слышат.

Собрался Иван с силами, размахнулся ещё раз, сильнее прежнего, и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил — и опять все головы на местах. Кинулся он тут на Ивана, забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван — дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван — крестьянский сын, срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил — головы опять приросли. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в сырую землю по самые плечи...

Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась, чуть по брёвнам не раскатилась. Тут только братья проснулись, слышат — Иванов конь громко ржёт да с цепей рвётся.

Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами побежали.

Иванов конь прискакал, стал бить чудо-юдо копытами. Засвистел чудо-юдо, зашипел, начал коня искрами осыпать.

А Иван — крестьянский сын тем временем вылез из земли, изловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы. Сшиб все до единой! Туловище на мелкие части рассек и побросал в реку Смородину.

Прибегают тут братья.

— Эх, вы! — говорит Иван. — Из-за сонливости вашей я чуть головой не поплатился!

Привели его братья к избушке, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

Поутру рано Иван встал, начал одеваться-обуваться.

— Куда это ты в такую рань поднялся? — говорят братья. — Отдохнул бы после такого побоища!

— Нет, — отвечает Иван, — не до отдыха мне: пойду к реке Смородине свой кушак искать — обронил там.

— Охота тебе! — говорят братья. — Заедем в город — новый купишь.

— Нет, мне мой нужен!

Отправился Иван к реке Смородине, да не кушак стал искать, а перешёл на тот берег через калиновый мост и прокрался незаметно к чудо-юдовым каменным палатам[1]. Подошёл к открытому окошку и стал слушать — не замышляют ли здесь ещё чего?

Смотрит — сидят в палатах три чудо-юдовы жены да мать, старая змеиха. Сидят они да сговариваются.

Первая говорит:

— Отомщу я Ивану — крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперёд, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама обернусь колодцем. Захотят они воды выпить — и с первого же глотка мёртвыми свалятся!

— Это ты хорошо придумала!—говорит старая змеиха.

Вторая говорит:

— А я забегу вперёд и обернусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть — тут их и разорвёт на мелкие кусочки!

— И ты хорошо придумала! — говорит старая змеиха.

— А я, — говорит третья, — напущу на них сон да дрёму, а сама забегу вперёд и обернусь мягким ковром с шелко́выми подушками. Захотят братья полежать-отдохнуть — тут-то их и спалит огнём!

— И ты хорошо придумала! — молвила змеиха. — Ну,

---

[1] Палаты — здесь: богатый и красивый дом, дворец.

а если вы их не сгубите, я сама обернусь огромной свиньёй, догоню их и всех троих проглочу!

Подслушал Иван — крестьянский сын эти речи и вернулся к братьям.

— Ну что, нашёл ты свой кушак? — спрашивают братья.

— Нашёл.

— И стоило время на это тратить!

— Стоило, братцы!

После того собрались братья и поехали домой.

Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, такой знойный. Пить хочется — терпенья нет! Смотрят братья — стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает. Говорят они Ивану:

— Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьём и коней напоим!

— Неизвестно, какая в том колодце вода, — отвечает Иван. — Может, гнилая да грязная.

Соскочил он с коня и принялся мечом сечь да рубить этот колодец. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала — и пить не хочется.

— Вот видите, братцы, какая вода в колодце была, — говорит Иван.

Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли ехали — увидели яблоньку. Висят на ней яблоки крупные да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать. А Иван забежал вперёд и давай яблоню мечом под самый корень рубить. Завыла яблоня, закричала...

— Видите, братцы, какая это яблоня? Невкусные на ней яблочки!

Сели братья на коней и поехали дальше.

Ехали они, ехали и сильно утомились. Смотрят — разостлан на поле ковёр узорчатый, мягкий, а на нём подушки пуховые.

— Полежим на этом ковре, отдохнём, подремлем часок! — говорят братья.

— Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать! — отвечает им Иван.

Рассердились на него братья:

— Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ ни словечка не сказал. Снял он свой кушак, на ковёр бросил. Вспыхнул кушак пламенем и сгорел.

— Вот с вами то же было бы! — говорит Иван братьям.

Подошёл он к ковру и давай мечом ковёр да подушки на мелкие лоскутья рубить. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

— Напрасно вы, братцы, ворчали на меня! Ведь и колодец, и яблоня, и ковёр — всё это чудо-юдовы жёны были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Много ли, мало ли проехали—вдруг небо потемнело, ветер завыл, земля загудела: бежит за ними большущая свинья. Разинула пасть до ушей — хочет Ивана с братьями проглотить. Тут молодцы, не будь дурны, вытащили из своих котомок дорожных по пуду соли и бросили свинье в пасть.

Обрадовалась свинья — думала, что Ивана — крестьянского сына с братьями схватила. Остановилась и стала жевать соль. А как распробовала — снова помчалась в погоню.

Бежит, щетину подняла, зубищами щёлкает. Вот-вот нагонит...

Тут Иван приказал братьям в разные стороны скакать: один направо поскакал, другой — налево, а сам Иван — вперёд.

Подбежала свинья, остановилась—не знает, кого прежде догонять.

Пока она раздумывала да в разные стороны мордой вертела, Иван подскочил к ней, поднял её да со всего размаха о землю ударил. Рассыпалась свинья прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял.

С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись — без страха люди жить стали.

А Иван — крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери. И стали они жить да поживать, поле пахать да пшеницу сеять.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили. У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?

— Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтрему рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завёрнута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

— Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную златом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник её надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...[1]

Царь позвал опять сыновей:

— Пускай ваши жёны испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

---

[1] Хи́тра — колдунья.

— Надо к завтрему испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку[1], понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от бо́льших сыновей. Их жёны-то поспускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква-ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услыхал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

---

[1] Шири́нка — полотенце, сделанное во всю ширину ткани.

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмлёнными.

Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честны́е гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звёзды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны бо́льших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю, — говорит ему баба-яга, — твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить, и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечеру, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошёл пеший.

Шёл, шёл, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать,

глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чём задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краёв, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его

братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили её:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже во́роны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с воронёнком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принёс он живой и мёртвой воды. Серый волк спрыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал, — говорит серый волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдём на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядёт кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, де́вица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листами.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устьице [1].

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

---

[1] Устьице (устье) — наружное отверстие в русской печи.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Жил старик со старухою, и была у него дочь. Вот старуха-то померла, а старик обождал немного и женился на вдове, у которой была своя дочка. Плохое житьё настало стариковой дочери. Мачеха была ненавистная, отдыху не даёт старику:

— Вези свою дочь в лес, в землянку, там она больше напрядёт.

Что делать! Послушал мужик бабу — свёз дочку в землянку, дал ей кремень, огниво[1] да мешочек круп и говорит:

— Вот тебе огоньку; огонёк не переводи, кашу вари, а сама не зевай — сиди да пряди.

Пришла ночь. Красная девица затопила печь, заварила кашу; откуда ни возьмись, мышка — говорит:

— Девица, девица! Дай мне ложечку кашки!

— Ой, моя мышенька! Разговори мою скуку — я тебе дам не одну ложку, а досыта накормлю.

Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь:

— Ну-ка, девица, туши огни да давай в жмурки играть.

Мышка вскарабкалась на плечо стариковой дочери и шепчет ей на ушко:

— Не бойся, девица! Скажи: давай! Потуши огонь да под печь полезай, а я за тебя стану бегать и в колокольчик звенеть.

Так сделалось. Гоняется медведь за мышкою — не поймает. Стал реветь да поленьями бросать. Бросал-бросал, ни разу не попал, устал и молвил:

— Мастерица ты, девица, в жмурки играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз серебра.

---

[1] Креме́нь — камень, употреблявшийся прежде для высекания огня. Огни́во — камень или кусок стали для высекания огня из кремня.

Наутро говорит баба:

— Поезжай, старик, проведай-ка дочь, что напряла она в ночь.

Уехал старик, а баба сидит да ждёт: как-то он дочерние косточки привезёт. Пришло время старику ворочаться, а собака:

— Тяф-тяф-тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз серебра везёт.

— Врёшь, мерзкая собачонка! Это в кузове косточки гремят!

Вот ворота заскрипели, кони во двор вбежали, а дочка с отцом на возу сидят: полон воз серебра. У бабы от жадности глаза разгорелись.

— Экая важность! — кричит. — Повези-ка мою дочку в лес; моя дочка два стада коней пригонит, два воза серебра притащит.

Повёз мужик и бабину дочь в землянку; дал ей кремень, огниво, мешочек круп и оставил одну. Об вечеру заварила она кашу. Прибежала мышка и просит:

— Наташка! Наташка! Сладка ль твоя кашка? Дай хоть ложечку!

— Ишь какая! — закричала Наташка и швырнула в неё ложкой.

Мышка убежала, а Наташка знай себе уписывает одна кашу. Съела полный горшок, огни позадула, прилегла в углу и заснула. Пришла полночь, вломился медведь и говорит:

— Эй, где ты, девица? Давай в жмурки играть.

Девица испугалась, молчит, только со страху зубами стучит.

— А, ты вот где! Нá колокольчик, бегай, а я буду ловить.

Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка приговаривает:

— Злой девице живой не быть!

Медведь бросился ловить бабину дочку и, как только изловил её, сейчас задушил и съел. Наутро шлёт баба старика в лес:

— Ступай! Моя дочка два воза привезёт, два табуна пригонит.

Мужик уехал, а баба за воротами ждёт. Вот прибежала собачка:

— Тяф-тяф-тяф! Не бывать домой бабиной дочери, старик на пустом возу сидит, костьми в кузове гремит!

— Врёшь ты, мерзкая собачонка! То моя дочка едет, стада гонит, возы везёт. На, скушай блин да говори: бабину дочь в злате, в серебре привезут, а стариковой женихи не возьмут!

Собачка съела блин и залаяла:

— Тяф-тяф-тяф! Старикову дочь замуж отдадут, а бабиной в кузове косточки привезут.

Что ни делала баба с собачкою: и блины ей давала, и била её, — она знай своё твердит... Глядь, а старик у ворот, жене кузов подаёт; баба кузов открыла, глянула на косточки и завыла, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день померла. Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с ней в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка и не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу.

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! — яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не знать.

МОРОЗКО

Живало-бывало, — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься — бита и недовернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик, — говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, милая дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф,тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, а собачка — всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, де́вица?

А она ему:

— Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — всё своё:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли, — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут, — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мóчи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя,
Выплынь, выплынь на бережок!

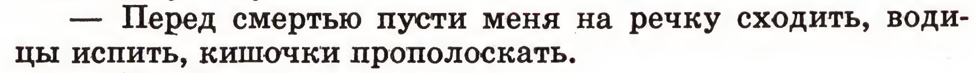
Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёхонько закричал:

Алёнушка, сестрица моя,
Выплынь, выплынь на бережок!

Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Желты́ пески на грудь легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегает козлёночек и жалобнёхонько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Желты́ пески на грудь легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелко́вые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили-были медведь и лиса.

У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка мёду.

Лиса про то сведала. Как бы ей до мёду добраться?

Прибежала лиса к медведю, села под окошечко:

— Кум, ты не знаешь моего горечка!

— Что, кума, у тебя за горечко?

— Изба моя худая, углы провалились, я и печь не топила. Пусти к себе ночевать.

— Поди, кума, переночуй.

Вот легли они спать на печке. Лиса лежит да хвостом вертит. Как ей до мёду добраться? Медведь заснул, а лиса — тук-тук хвостом.

Медведь спрашивает:

— Кума, кто там стучит?

— А это за мной пришли, на повой [1] зовут.

---

[1] Повóй — приём новорождённого; принимает (повивает) повивáльная бабка.

— Так сходи, кума.

Вот лиса ушла. А сама влезла на чердак и почала кадушку с мёдом. Наелась, воротилась и опять легла.

— Кума, а кума, — спрашивает медведь, — как назвали-то?

— Починочком.

— Это имечко хорошее.

На другую ночь легли спать, лиса — тук-тук хвостом:

— Кум, а кум, меня опять на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Лиса влезла на чердак и до половины мёд-то и поела. Опять воротилась и легла.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Половиночком.

— Это имечко хорошее.

На третью ночь лиса — тук-тук хвостом:

— Меня опять на повой зовут.

— Кума, а кума, — говорит медведь, — ты недолго ходи, а то я блины хочу печь.

— Ну, это я скоро обернусь.

А сама — на чердак и докончила кадушку с мёдом, всё выскребла. Воротилась, а медведь уже встал.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Поскрёбышком.

— Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь.

Медведь напёк блинов, а лиса спрашивает:

— Мёд-то у тебя, кум, где?

— А на чердаке.

Полез медведь на чердак, а мёду-то в кадушке нет — пустая.

— Кто его съел? — спрашивает. — Это ты, кума, больше некому!

— Нет, кум, я мёд в глаза не видала. Да ты сам его съел, а на меня говоришь!

Медведь думал, думал...

— Ну, — говорит, — давай пытать — кто съел. Ляжем на солнышке вверх брюхом. У кого мёд вытопится — тот, значит, и съел.

Легли они на солнышке. Медведь уснул. А лисе не спится. Глядь-поглядь — на животе у неё и показался медок. Она ну-ко скорее перемазывать его медведю на живот.

— Кум, а кум! Это что? Вот кто мёд-то съел!

Медведь — делать нечего — повинился.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

— Вот будет подарок жене! — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбку и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привёз я тебе на шубу!

— Где?

— Там на возу — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа:

— Ах ты, такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку,

уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуй, братец!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала́, и велика́! Ловись, рыбка, и мала́, и велика́!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

Ловись, рыбка, и мала́ и велика́!
Ловись, рыбка, и мала́ и велика́!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

Ясни, ясни на небе звёзды,
Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, волчику-братику! — говорит лисичка-сестричка. — У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и повёз.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

— Что ты, сестрица, говоришь?

— Я, братец, говорю: «Битый битого везёт».

— Так, сестрица, так!

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрёл на избушку. Залез на чердак и полёживает себе. А захочет есть — пойдёт в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама всё спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придётся, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придётся!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идёт лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несёшь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придётся!

Медведь пошёл за быком, а лиса — домой.

Вот принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь? Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберётся!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услыхал, что листья шевелятся, поду-

мал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева объемь, все печёнки отбил, вскочил — да наутёк.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

— Что, лисица, умеешь ли летать?

— Нет, не умею.

— Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унёс её журавль высоко-высоко.

— Что, лисица, видишь ли землю?

— Едва вижу, с овчину земля кажется!

Журавль её и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу.

Журавль подлетел:

— Ну как, умеешь, лисица, летать?

— Летать-то умею — садиться тяжело!

— Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унёс он её и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю. Так лисица и не научилась летать.

ЛИСИЦА И ТЕТЕРЕВ

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек! Как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут. Кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает? — сказала лисица. — Может, они указа не слыхали.

И убежала.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлём подружилась.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж как я тебя угощу!

Идёт журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала её по тарелке. Подала и потчует:

— Покушай, мой голубчик-куманёк! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает. А лисица в это время лижет себе да лижет кашу — так всю сама и скушала. Каша съедена; лисица и говорит:

— Не обессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем!

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Не стыдись, голубушка.

Лисица начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдёт и этак, и лизнёт его и понюхает; толку всё нет как нет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюёт себе да клюёт, пока всё поел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада: думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала. С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за снопы кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала, пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил да и будет. Отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл да и полно.

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса:

— Погоди же ты, проклятый! Не отстаёшь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул да и лису за собой потянул.

ЛИСА И ПЕТУХ

Зачинается, починается хорошая сказка, добрая повесть не от сивки, не от бурки, не от верного каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Шла лисица на боярский двор, хотела съесть из телятника телёнка, из курятника курёнка, от овцы ягнёнка, от свиньи поросёнка.

Вор-петух лису увидал, крыльями-перьями замахал и запел — на весь двор зашумел.

Весь народ сбежался: старые старухи с лопатами, с ухватами; старые старики с топорищами, с коромыслами; малые ребята с мутовками, с колотовками[1] — хотят лису убить.

Насилу лисица убралась, убежала в лес, под ольховый куст пала и три дня там пролежала.

Вот петух пошёл в чистое поле, взлетел на высокое дерево, сел и сидит.

А лисица отлежалась, пошла по чистому полю. Идёт возле того дерева, взвела око ясное, видит — сидит петух.

---

[1] Мутóвка, колотóвка — палочка или лопаточка для сбивания и размешивания.

— Что, вор-петух, по своей ли охоте летаешь или за нами, зверями, наблюдаешь?

— Э, мать-лисица! Я по своей охоте летаю, ни за кем я не наблюдаю.

— Что, вор-петух! Без покаяния на высоком дереве погибнешь. Слезь да покайся, много ли у тебя грехов на душе.

Тут петух умилился, стал спускаться с ветки на ветку, с сучка на сучок, с пенька на пенёк. Спустился на землю и сел перед лисицей.

Лисица к нему подбегала, крепко петуха в когти хватала, крылышки-пёрышки расправляла, начала трепать да приговаривать:

— Что, вор-петух! Когда мне была крайняя нужда, когда я была голодна, к богатому боярину шла, хотела что-нибудь съесть, много ли бы у него убыло? А тогда ты первый горло драл!

Петух на то сказал:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Тебя люди знают, купцы да бояре почитают, шубки из тебя шьют и по праздникам носят. А моё дело маленькое: у одного хозяина живу — двум не служу.

— Вор-петух! Не строй лясы!

И пуще стала петуха трепать.

Петух опять:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Вот у тебя буду жить и тебе верой-правдой служить! Будешь ты

просвиры[1] попекать, а я буду просвиры продавать да песенки попевать. Пойдёт про нас слава добрая...

Лисица и приослабила когти. Петух вырвался да взлетел повыше на дерево:

— Э, мать-лисица, дорогая боярыня-просвирня, сладки ли твои просвиры? А не хочешь ли орехов? Не выломай зубов!

Упустила лисица поживу и пошла прочь несолоно хлебавши.

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

Слушайте: жил-был старик, у него были кот да петух. Старик ушёл в лес на работу, кот понёс ему есть, а петуха оставил стеречь дом. На ту пору пришла лиса:

Кукареку, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Так пела лисица, сидя под окном Петух выставил окошко, высунул головку и посмотрел: кто тут поёт? А лиса хвать его в когти и понесла в свою избушку. Петух закричал:

— Понесла меня лиса, понесла петуха за тёмные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам. Кот Котонаевич, отыми меня!

Кот услыхал крик и бросился в погоню, настиг лису, отбил петуха и принёс его домой.

— Смотри же, Петя, — говорит ему кот, — не выглядывай в окошко, не верь лисе: она съест тебя и косточек не оставит.

---

[1] Просви́ры — здесь: белый круглый хлебец.

Старик опять ушёл в лес на работу, а кот понёс ему есть. Старик, уходя, заказывал петуху беречь дом и не выглядывать в окошко. Но лисице больно захотелось скушать петушка. Пришла она к избушке и запела:

Кукареку, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зёрнышек.

Петух ходит по избе, молчит, не отзывается. Лиса снова запела песенку и бросила в окно горошку. Петух съел горошек и говорит:

— Нет, лиса, не обманешь! Ты хочешь меня съесть... и косточек не оставишь.

— Полно, Петя! Стану ли я есть тебя! Мне хотелось, чтобы ты у меня погостил, моего житья-бытья посмотрел, на моё добро поглядел!

И она запела сладким голосом:

Кукареку, петушок,
Золотой гребешок,

Масляна головка,
Выгляни в окошко,
Я дала тебе горошку,
Дам и зёрнышек.

Петух выглянул в окошко, а лиса его в когти. Закричал петух благим матом:

— Понесла меня лиса, понесла петуха за тёмные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам. Кот Котонаевич, выручай меня!

Кот услыхал крик, пустился в погоню, нагнал лису и отбил петуха.

— Не говорил ли я тебе, Петя, не выглядывай в окошко — съест тебя лиса и косточек не оставит! Смотри же, слушай меня! Мы завтра далеко пойдём.

Вот опять старик ушёл на работу, и кот ему хлеба понёс. Лиса подкралась под окошко и ту же песенку запела. Три раза пропела, а петух всё молчит.

— Что это, — говорит лиса, — ныне Петя совсем онемел!

— Нет, лиса, не обманешь меня! Не выгляну в окошко.

Лиса бросила в окно гороху да пшенички и снова запела:

Кукареку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Выгляни в окошко,
У меня-то хоромы,
Хоромы большие,
В каждом углу
Пшенички по мерочке:
Ешь, сыт, не хочу!

Потом добавила:

— Да, посмотрел бы ты, Петя, сколько у меня всяких диковинок! Полно, не верь коту! Если бы я хотела тебя съесть, то давно бы это сделала. А то видишь — я тебя люблю, хочу тебя в люди показать да уму-разуму научить, как надо на свете жить. Да покажись же, Петя! Вот я за угол уйду!

И притаилась за стеною...

Петух вскочил на лавку, высунул голову в окошко, а лиса его в когти — и была такова! Петух закричал во всё горло, но старик и кот были далеко и не слыхали его крика.

Долго ли, коротко ли, воротился кот домой и видит: петушка нету, надо из беды выручать. Кот тотчас же нарядился гусляром[1], захватил в лапы дубинку и отправился к лисицыной избушке. Пришёл и начал наигрывать на гуслях:

— Стрень-брень, гусельцы, золотые струночки! Дома ли Лисафья, дома ли с детками, одна дочка Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнок[2], четвёртая Подмети-шесток[3], пятая Трубу-закрой, шестая Огня-вздуй, а седьмая Пеки-пироги!

Лиса говорит:

— Поди, Чучелка, посмотри, кто такую хорошую песню поёт?

Чучелка вышла за ворота, а гусляр стук её в лобок, да в коробок и снова запел ту же самую песню. Лиса посылает другую дочку, за другою — третью, за третьей—четвёртую, и так дальше. Какая ни выйдет за ворота — гусляр своё дело сделает: стук в лобок, да в коробок! Перебил всех лисицыных деток поодиночке.

Лиса ждёт их и не дождётся. «Дай, — думает, — сама посмотрю!»

Вышла за ворота, а кот размахнулся дубинкою, как хватит её по голове — из неё и дух вон! Петушок обрадовался, вылетел в окно и благодарил кота за своё спасение. Воротились они к старику и стали себе жить-поживать да добра наживать.

---

[1] Гусля́р — музыкант в Древней Руси, игравший на гуслях, старинном струнном музыкальном инструменте.

[2] Челно́к — важная деталь ткацкого станка: деревянная колодка в форме челна — лодки, внутри которой закрепляется нитка.

[3] Шесто́к — площадка перед отверстием (устьем) русской печи.

ВОЛК И КОЗА

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдёт, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, детушки,
Отопритеся, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдёт в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко. Волк всё это и подслушал. Выждал время, и только коза в бор, он подошёл к избушке и закричал своим толстым голосом:

Козлятушки, детушки,
Отопритеся, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла...

А козлятки отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поёт тонким голоском.

Волк ушёл и спрятался. Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, детушки,
Отопритеся, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как

приходил к ним бирюк[1] и хотел их поесть. Коза накормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придёт кто к избушке и станет просить толстым голосом, того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

Козлятушки, детушки,
Отопритеся, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

---

[1] Бирю́к — волк.

Козлятки не признали волчьего голоса и отперли двери. Волк вбежал в избу, разинул свою широкую пасть и бросился на бедняжек: что ни схватит, то проглотит — всех поел. Уцелел только один козлёночек, и тот в печь забился.

Приходит коза. Сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что они отворены; в избу — а там всё пусто. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка. Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, начала горько плакать и причитывать:

— Ох вы детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися?

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Эх, кума, кума! Что ты на меня грешишь! Неужели-таки я сделаю это! Пойдём-ка в лес погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья!

— Пойдём! — уговаривал волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в той яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно горячих угольев. Коза говорит волку:

— Кум! Давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму.

Стали прыгать. Волк прыгнул и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлята выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить-поживать, ума наживать, а лиха избывать.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шёл бык лесом, попадается ему навстречу баран.

— Куда, баран, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдём со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

— Куда, свинья, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами.

Пошли втроём дальше, навстречу им гусь.

— Куда, гусь, идёшь? — спрашивает бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух.

— Куда, петух, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди за нами!

Вот они идут путём-дорогою и разговаривают промеж себя:

— Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замёрзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмёт; я и так прозимую.

Петух говорит:

— А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живёт в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью.

Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

— А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

— Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя, волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, кумушка! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдём же приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперёд!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперёд!

Ладно, пошёл медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припёр его рогами к стенке. А баран разбежался да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвёт и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусу и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услыхали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне!.. Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошёл я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьёт, кто рвёт, кто шилом в глаза колет. А ещё один на брусу сидел да всё кричал: подайте сюда, подайте сюда! Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Давай пойду посватаюсь к цапле!

Пошёл журавль — тяп-тяп! Семь вёрст болото месил, приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж.

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги до́лги, платье ко́ротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как несолоно похлебал, ушёл домой. Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад.

Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму её замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, долговязый, нейду за тебя замуж!

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.

КОЧЕТОК[1] И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком.

Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.

Курочка пошла — плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня портки разорвала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

— Меня козы подглодали.

— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережёте?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

— Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?

— А у меня свинья опару[2] пролила.

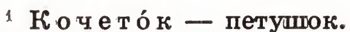
— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

— У меня волк поросёночка унёс.

— Волк, волк! На что ты у свиньи поросёночка унёс?

— Я есть захотел.

[1] К о ч е т о́ к — петушок.

[2] О п а́ р а — тесто, бродящее в квашне (деревянной посуде).

ВОРОНА И РАК

Летела ворона под-над морем, смотрит: рак ползёт — хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

— Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и твою мать — славные были люди!

— Угу! — ответила ворона, не раскрывая рта.

— И братьев и сестёр твоих знаю, что за добрые были люди!

— Угу!

— Да всё же хоть они и хорошие люди, а тебе не ровня. Мне сдаётся, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.

ТЕРЕМ МЫШКИ

Лежит на поле лошадиный остов[1]. Прибежала мышка-норушка и спрашивает:

— Теремок-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается. Вот она и вошла и стала жить в лошадином остове. Прискакала лягушка-квакушка:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка, а ты кто?

— А я лягушка-квакушка.

Вошла лягушка, и стали вдвоём жить. Прибежал заяц:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка, я, лягушка-квакушка, а ты кто?

— А я на горé-увёртыш.

— Ступай к нам жить.

Стали они втроём жить. Прибежала лисица:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

---

[1] **Остов** — костяк, скелет.

— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горé-увёртыш, а ты кто?
— А я везде-поскóкиш.
— Иди к нам.
Стали четверо жить. Пришёл волк.
— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горé-увёртыш, везде-поскóкиш, а ты кто?
— А я из-за кустов-хвáтыш.
— Иди к нам!
Стали пятеро жить. Вот пришёл медведь:
— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
— Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горé-увёртыш, везде-поскóкиш, из-за кустов-хвáтыш.
— А я вас-давиш!
Сел на лошадиный остов и всех раздавил.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:
— И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!
И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услыхали зайцев и забултыхали в воду.
Один заяц и говорит:
— Стойте, ребята! Подождём топиться: вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся!

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришёл к нему медведь:
— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так, — сказал медведь. — А коли обманешь, так и в лес ко мне хоть не езди.

Сказал и ушёл в дуброву.

Репа выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повёз в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел. — Мужик, обманул ты меня. Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увёз домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой.

Вот и говорит старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку[1] помети, не наскребёшь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.

Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по́ полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, заяц, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён

---

[1] Сусе́к — ларь, где хранится мука или зерно.

Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, зайца, подавно уйду!

И покатился по дороге — только заяц его и видел!
Катится колобок, навстречу ему волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только волк его и видел!
Катится колобок, навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только медведь его и видел!
Катится колобок, навстречу ему лиса:
— Колобок, колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.
— Колобок, колобок, спой мне песенку!
Колобок и запел:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, колобок, сядь ко мне на носок да спой ещё разок, погромче.

Колобок вскочил лисе на нос и запел погромче ту же песенку.

А лиса опять ему:

— Колобок, колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок.

Колобок прыг лисе на язык, а лиса его — гам! — и съела.

РЕПКА

Посадил дед репку и говорит:

— Расти, расти, репка, сладка́! Расти, расти, репка, крепка́!

Выросла репка сладка́, крепка́, большая-пребольшая.

Пошёл дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку.

Бабка за дедку,
Дедка за репку —

тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

тянут-потянут — и вытянули репку.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Жили-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:

— Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет.

Старик вылепил из глины паренька. Положили его на печку сушить. Высох парень и стал просить есть:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку.

Принесла ему старуха это, а он съел всё и опять просит:

— Есть хочу! Есть хочу!

И съел он у старика со старухой весь хлеб, выпил всё молоко и опять кричит:

— Есть хочу! Есть хочу!

Нечего ему больше дать. Глиняный парень соскочил с печки и съел бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и пошёл на улицу.

Идёт навстречу бык. Глиняный парень говорит ему:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и тебя, бык, съем!

Да и съел быка.

Идёт дальше. Навстречу дроворубы с топорами. Глиняный парень и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами — и вас всех съем.

И съел дроворубов с топорами.

Идёт дальше. Навстречу ему мужики с косами да бабы с граблями. Глиняный парень им говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами — и вас всех съем!

Съел мужиков с косами да баб с граблями и дальше пошёл. Встретил глиняный парень козла и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами, мужиков с косами, баб с граблями — и тебя, козёл, съем!

А козёл ему говорит:

— Да ты не трудись, стань под горку, а я стану на горку, разбегусь да тебе в рот и прыгну.

Стал глиняный парень под горку, а козёл разбежался с горы да рогами в брюхо как ударит! Тут и рассыпался глиняный парень.

И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, бык с рогами, дроворубы с топорами, мужики с косами да бабы с граблями.

Всех козёл избавил.

ЯИЧКО

Жил себе дед да баба, у них была курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро́, востро́, костяно́, мудрено́! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается!

Шли за водою поповы дочери, спрашивают деда, спрашивают бабу:

— О чём вы плачете?

— Как нам не плакать! — отвечают дед да баба. — Есть у нас курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро́, востро́, костяно́, мудрено́! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила.

Как услышали это поповы дочери, со великого горя бросили вёдра наземь, поломали коромысла и воротились домой с пустыми руками.

— Ах, матушка! — говорят они попадье. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро́, востро́, костяно́, мудрено́! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят,

на избе верх шатается! А мы, идучи за водою, вёдра побросали, коромысла поломали!

На ту пору попадья квашню месила. Как услышала она, что дед плачет, и баба плачет, и курочка кудкудачет, тотчас с великого горя опрокинула квашню и всё тесто разметала по полу.

Пришёл поп с книгою.

— Ах, батюшка! — сказывает ему попадья. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестро́, востро́, костяно́, мудрено́! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! Наши дочки, идучи за водою, вёдра побросали, коромысла поломали, а я тесто месила да со великого горя всё по полу разметала!

Поп затужил-загоревал, свою книгу в клочья изорвал.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЖЕРНОВКИ[1]

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было. Вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит:

— Старик! Надобно пол-то прорубить. Пускай дуб растёт выше. Как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу

[1] Жерновки́, или жерновцы́, — ручная мельница.

снял: деревцо всё растёт да растёт и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб. Лез-лез... и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит кочеток — золотой гребешок, а возле него стоят жерновцы. Старик долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит старухе:

— Как нам быть, что нам есть?

— Постой, — молвила старуха, — я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог, что ни повернёт — всё блин да пирог! И накормила старика.

Ехал мимо какой-то боярин и заехал к старику со старушкой в хату.

— Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть?

Старуха говорит:

— Чего тебе, родимый, дать — разве блинков?

Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки.

Боярин поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

— Нет, — отвечает старуха, — продавать нельзя.

Он позавидовал чужому добру и украл у ней жерновцы. Как увидали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горевать.

— Постой, — говорит кочеток — золотой гребешок, — я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Как услыхал боярин, сейчас приказывает:

— Эй, малый! Возьми брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодец. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду... — и вытянул весь колодец.

Выпил воду и полетел к боярским хоромам. Уселся на балкон и опять кричит:

— Кукареку, боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Боярин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду...

И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярские палаты и опять кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

В то же самое время боярин гостей принимал. Гости услыхали, что кричит кочеток, и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их, а кочеток — золотой гребешок подхватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

МУЖИК И ЦАРЬ

Жил-был царь. Пуще всего на свете любил тот царь сказки слушать. И всё ему хотелось новых да новых сказок. Придворные сказочники все сказки, какие знали, пересказали, и никто больше царю угодить не может. Велел царь кликнуть клич:

— Женю на своей дочери и полцарства дам тому, кто расскажет сказку, какой я ещё не слыхал!

Охотников сыскалось много: и князья, и бояре, и генералы, и купцы — да всё без толку. Только кто заведёт сказывать какую сказку, а царь уж кричит:

— Знаю, знаю, слыхал эту сказку!

На том дело и кончится. Того жениха и прогонят.

А в том царстве жил, горе мыкал бедный мужик. Ни дома, ни хозяйства у него не было. Жил где приведётся, пил, ел что придётся. Иной день впроголодь, иной день и вовсе не евши сидел. Как-то раз зашёл тот молодец в кабак погреться, выпить стаканчик винца. Целовальник[1] над ним подсмеивается:

---

[1] **Целова́льник** — продавец вина, водки в винной лавке.

— Что нейдёшь царю сказки сказывать? Небось царевна все глаза проглядела: ждёт тебя, жениха, не дождётся.

Слушает бедняк насмешливую речь, а сам думает: «Дай пойду попытаю счастья. Царским зятем мне не быть, а хоть день-другой готовыми харчами попользуюсь».

Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, мужик, пришёл?

— Хочу тебе, царское величество, сказку рассказать. Только вели сперва накормить, напоить меня.

Царь его оглядел и усмехнулся:

«Ну и жених! Рубаха латана-перелатана, лапти верёвкой подвязаны».

Но ничего, не отказал ему.

Мужика накормили, напоили. Царь собрал ближних бояр да советников и приказывает молодцу:

— Сказывай твою сказку!

— Мой покойный родитель, — говорит мужик, — был самый богатый человек в нашем царстве. Выстроил он высокие хоромы. По крыше тех хором голуби ходили да с неба звёзды поклёвывали. Вот сколь высоки были те хоромы. А двор у нас был такой, что за весь летний день голубь не мог перелететь из конца в конец.

Царь молчит, и бояре молчат, не перебивают, а мужик говорит:

— Дальше сказывать стану завтра, после обеда, поевши пирогов да мягкого хлеба.

И пошёл на поварню ужинать.

На другой день вечером стал он сказку продолжать:

— И стоял у нас на дворе бык-семилеток. На одном рогу сидел у того быка пастух, а на другом — другой. Пастухи в трубы трубили, на рожках играли, песни пели, а друг друга в лицо не видали и голоса не слыхали. Вот какой был у нас бык матёрый!

Молчит царь, не перебивает, и бояре молчат. Сказочник поднялся и говорит:

— Завтра сказку доскажу, а сегодня на покой пора.

И пошёл на поварню ужинать. Тут царь заговорил:

— Что станем делать, бояре? Эдакой сказки я не слыхал, а отдавать свою дочь за мужика-лапотника не хочу. Придумайте, как сказочника обмануть.

Князья да бояре стали думу думать. Думали-думали и придумали:

— Скажи, царь-государь, что ты эту сказку слыхал, и мы все подтвердим: знаем, мол, слыхали про это. А чтобы крепче было, вели в том грамоту написать, и под этой грамотой мы все свои подписи поставим.

На том и согласились.

Мужик про тот сговор проведал, а виду не показывает. На другой день как ни в чём не бывало пришёл после обеда, сел и стал сказку досказывать:

— Была у моего покойного родителя кобылица, в три дня вокруг земли обегáла...

Князья да бояре с царём переглядываются, в бороды усмехаются, а сказочник сказывает:

— Золота да серебра у нас были амбары доверху насыпаны. И ты, царь-государь, в ту пору занял у нас сундук золота и по сей день ещё не отдал...

Тут царь закричал:

— Знаю, знаю!

И князья да бояре поддакивают:

— Знаем, слыхали эту сказку и грамоту в том подписать согласны!

С мест вскочили, подписи под грамотой поставили. Взял мужик грамоту и говорит:

— А коли слыхали да грамоту в том подписали, так плати долг, царское величество!

В ту пору царь догадался:

— Обманул меня мужик-лапотник!

Да делать было нечего, что написано пером — того не вырубишь топором. Пришлось насыпать сундук золота. Мужик денежки взял и стал жить-поживать. И до сих пор живёт да посмеивается.

ДОЧЬ-СЕМИЛЕТКА

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребёнка; жеребёнок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребёнка родила.

Брат встаёт и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребёнка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок бы подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?

И положил им сроку три дня:

— На четвёртый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошёл к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманёк?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего в свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет её быстрее! Коли кнутом приударишь, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего в свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвёртая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошёл домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чём ты, батюшка, вздыхаешь да слёзы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слёз не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растёт, что ни живёт, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а всё руку под голову кладёт; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошёл или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова́; пусть к утру соткёт мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелко́вую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подаёт отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашёл такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросна[1]: было бы на чём полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь даёт ему полтораста яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтрему выведет мне полтораста цыплят.

Воротился мужик домой ещё кручиннее, ещё печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернёшься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодённое пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-

---

[1] Кро́сна — домашний ткацкий станок.

семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепёлку.

Отец пошёл и купил ей зайца и перепёлку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепёлку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь её у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подаёт ему перепёлку.

Царь протянул было руку, перепёлка порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живёт? Рыба в воде плавает!

— А ты умён? Когда видано, чтобы телега жеребёнка принесла?

Царь присудил отдать жеребёнка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

УМНЫЙ РАБОТНИК

У бедного старика было три сына.

Посылает отец старшего:

— Поди наймись в батраки, всё чего-нибудь заработаешь.

Пошёл старший сын в другую волость, а навстречу ему поп:

— Наймись, свет, ко мне, только, чур, уговор такой: коли хоть на день раньше срока уйдёшь — не видать тебе твоего заработка, ни копейки не дам.

Молодец перечить не стал и нанялся к попу на год.

Будит поп работника до солнышка, работать заставляет дотемна, а кормит один раз в день не досыта.

От голода да от тяжёлой работы парень совсем отощал — насилу ноги волочит.

— Коли до срока жить — живому не быть, совсем изведусь.

Махнул рукой на заработок и с пустыми руками воротился домой.

А попу того и надо, чтобы работник до срока ушёл. Все тяжёлые работы справлены, и деньги целы.

На другой год пошёл средний брат в работники наниматься. И таким же манером, как и старший брат, полгода у попа мучился и тоже без копейки, чуть живой домой приплёлся.

На третий год настал черёд младшему брату в люди идти.

Пошёл он прямо к тому попу, где старшие братья горе мыкали.

— Вот и хорошо, — обрадовался поп, — я как раз работника ищу. Рядись, платой не обижу, а уговор такой: до срока проживёшь — получай всё сполна, что ряжено; если раньше уйдёшь — пеняй на себя, копейки не заплачу.

— Ладно, — отвечает молодец.

И ударили по рукам.

На другое утро — ни свет ни заря — будит поп работника:

— Вставай, скорей запрягай, поедем за сеном на дальний покос.

Покуда работник коней запрягал, поп успел плотно позавтракать, а работнику попадья дала всего две вчерашние картофелины.

— Позавтракаешь в дороге — видишь, батюшка торопится, сердится...

Поехали. Только миновали околицу, соскочил парень с саней и закричал:

— Постой, батюшка! Я верёвки забыл, сейчас сбегаю.

Поп коня придержал, бранится.

А работник прибежал, постучался:

— Ох, матушка, батюшка велел принести каравай белого хлеба да три пирога с рыбой.

Попадья припасы завернула, подала.

Молодец прихватил в сенях верёвки, воротился.

— Трогай, батюшка, верёвки принёс.

— Ладно, хоть недалеко отъехали, — ворчит поп.

Покуда до места добрались, сено укладывали да увязывали — времени прошло много.

Только к вечеру тронулись в обратный путь.

Поп с переднего воза кричит:

— Дорога ровная, без раскатов, я подремлю! А ты, парень, гляди, как доедем до развилки, надо влево держать!

После того завернулся с головой в тёплый дорожный тулуп и улёгся спать.

Работник пирогов наелся да белого хлеба, лежит на своём возу. Доехали до развилки, и направил молодец коней не влево, как поп наказывал, а вправо. Влез на воз, посмеивается: «Проучу долговолосого, попомнит меня».

Вёрст пятнадцать ещё отъехали. Тут поп проснулся, огляделся — видит, едут не туда, куда надо, заругался:

— Ох, будь ты неладен! Ведь говорил — держи влево. И о чём только ты думал, куда глядел?

— Как — куда глядел? Да ведь сам ты и кричал: «Держись правой руки!»

«Видно, я обмолвился», — подумал поп и говорит:

— Ну, делать нечего, надо кружным путём ехать. Тут вёрст через десять деревня будет, придётся переночевать. Время позднее, да и есть смертельно охота, прямо терпенья нет.

— А ты, батюшка, сенца попробуй, — работник говорит, — я вот так славно подкрепился, сыт-сытёхонек.

Поп надёргал травы что помягче, пожевал, пожевал, выплюнул:

— Нет, не по мне это кушанье.

Ехали ещё час ли, два ли — показалась деревня.

Привернули к самой богатой избе, к лавочнику.

— Ступай, — поп говорит, — просись ночевать, у меня от голода руки-ноги трясутся.

Работник постучался:

— Добрые люди, пустите переночевать!

Вышел хозяин:

— Заезжай, заезжай, ночлега с собой не возят.

— Да я не один, — шёпотом говорит молодец, — со мной батюшка нездоровый — вроде не в своём уме. Так смирный, тихий, а как услышит, что два раза одно и то же скажут, как лютый зверь становится, на людей кидается.

— Ладно, — хозяин отвечает, — буду знать и своим закажу.

Работник коней распряг, задал корм и помог попу слезть с воза.

Зашли в избу. Хозяева с опаской поглядывают на попа, помалкивают.

Подошло время к ужину, накрыли стол.

Хозяйка промолвила:

— Садитесь, гости, с нами хлеба-соли отведать.

Работник сразу за стол, а поп ждёт, когда ещё раз попотчуют.

Хозяева другой раз не зовут, не смеют.

Сели ужинать. Сидит поп в сторонке, злится на себя: «Надо бы сразу за стол садиться».

Так и просидел весь ужин несолоно хлебавши.

Хозяйка убрала со стола, постелила попу с работником постель.

Молодец только голову на подушку уронил, сразу крепко уснул. И хозяева уснули.

А голодному попу не до сна.

Растолкал, разбудил работника:

— Ой, есть хочу, терпенья нет.

— А чего ужинать не стал?

— Думал, ещё попотчуют.

— Приметил я, — шепчет работник, — около печки на полке горшок с кашей, поди поешь.

Поп вскочил и через минуту снова будит работника:

— Горшок с кашей нашёл, а ложки нет.

Рассердился парень:

— Ну где я тебе ложку возьму! Засучи рукава и ешь рукой.

Поп от жадности сунул в горшок обе руки, а в горшке был горячий вар. Третий раз будит работника, трясёт горшком:

— Ох, мо́чи нет, руки горят и вынуть не могу!

— Беда с тобой, — парень ворчит. — Гляди, у стены точильный камень. Разбей горшок, и вся недолга.

Поп изо всех сил хватил горшком, только черепки полетели. В эту же минуту кто-то истошно завопил:

— Караул, убили!

Поп кинулся вон из избы.

Вся семья всполошилась, зажгли огонь и видят: у хозяина вся голова залита варом. Стонет старик.

Сыновья хозяина приступили к работнику:

— Зачем старика изувечили?

— Кто кого изувечил? И знать не знаю, и ведать не ведаю. А вот куда вы нездорового попа девали?

Хозяева — туда-сюда: и в сени и на сеновал. Всё обыскали — нигде нет попа.

— Вот видите, — работник говорит, — хозяин-то уж очухался, а попа нет. Люди вы справные, отпустите товару из лавки на сотню рублей—замнём дело, а не то в волость[1] поеду, придётся вам в ответе быть.

Хозяева помялись, помялись, дали товару на сто рублей.

Молодец подарки прихватил, коней запряг и поехал домой.

Версту от деревни отъехал, глядь — из соломенного омёта[2] поп вылезает:

— Боялся, что хозяева тебя не выпустят.

— Хозяина-то ведь не я, а ты убил, — работник отвечает, — тебе и в остроге сидеть. Кто меня держать станет?

— Так разве до смерти?

— А ты как думал? Сейчас за урядником[3] поедут.

Поп руками всплеснул, трясётся весь:

— Ох, горе горькое! Неужто нельзя как-нибудь уладить?

— Уладить можно, — работник говорит, — я уж просил хозяев: мол, всё равно старика не оживишь.

— Ну и что?

— Да известно что: дорожатся.

— Я ничего не пожалею, всё отдам, только бы замять дело!

— Просят пару коней да триста рублей денег. Ну, и мне за хлопоты хоть сотню надо.

«Слава богу, — думает поп, — дёшево отделался».

Отвалил работнику четыре сотенки, отдал коней.

— Беги скорее, покуда не раздумали!

Работник отвёл коней на гумно, привязал, помешкал там малое время, воротился к попу.

— Ступай домой, ничего не бойся, всё дело улажено.

Поп пустился наутёк, от радости ног не чует.

А работник привёл отцу пару коней, отдал деньги.

И за себя и за братьев получил от попа сполна.

---

[1] Во́лость — административный центр сельской местности.

[2] Омёт — большой ворох, стог сена или соломы.

[3] Уря́дник — нижний чин полиции.

УМНЫЙ МУЖИК

В одной деревне жили-были два мужика: один богатый, а другой бедный.

У богатого мужика всего вдоволь, а у бедного — детей много, а всего добра один гусь.

И дошло дело до того, что нечем стало бедняку детей кормить. Что тут станешь делать?

Думал-думал, как быть, чем детей накормить, и надумал:

— Жарь, хозяйка, гуся!

Зажарила хозяйка гуся, поставила на стол, а хлеба нет ни крошки.

Говорит мужик:

— Ну как станем без хлеба есть, надолго ли нам гуся хватит? Лучше отнесу его барину, хлеба у него попрошу.

— Ступай, муженёк, ступай, — говорит жена, — может, хоть полмешка муки даст.

Пришёл мужик к барину:

— Принёс тебе гуська, не побрезгуй принять, а мне хоть немного муки дай — нечем детей кормить.

— Ну ладно, — барин говорит. — Умел ты гуся подарить, сумей его разделить промеж нас без обиды. Разделишь без обиды — дам муки, а не сумеешь — выпороть прикажу.

А семья у того барина: сам с женой, два сына да две дочери — всего шестеро.

Попросил мужик нож и стал гуся делить. Сперва отрезал голову, подаёт барину:

— Ты всему дому голова — так вот тебе гусиная голова.

Отрезал гузку, барыне подаёт:

— Тебе дома сидеть, за домом глядеть — вот тебе гузка.

Отрезал лапки, подаёт сыновьям:

— Вот вам по ножке — топтать отцовские дорожки.

А дочерям по крылышку дал:

— Вам с отцом, с матерью не век жить — вырастете, полетите прочь, своё гнездо вить.

Остальное себе взял:

— А я мужик сер да глуп — мне глодать хлуп[1].

Засмеялся барин:

— Хорошо, мужик, гуся разделил и сам в обиде не остался!

Поднёс стаканчик винца и велел дать два мешка муки бедному мужику.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедняку.

Зажарил пять жирных гусей, принёс барину, сам кланяется:

— Не побрезгуй, ваша милость, принять на поклон от меня пять кормленых гусей!

— Спасибо, братец, спасибо! Сумел ты гусей подарить, сумей свой подарок промеж нас без обиды разделить. Коли разделишь без обиды — награжу, а не сумеешь разделить — велю на конюшне выпороть.

Стоит богатый мужик, прикидывает и так и сяк — никак ему пять гусей между шестью человеками не разделить.

Позвал барин бедняка:

— Можешь ли пять гусей промеж нас без обиды разделить?

— А чего не разделить! — отвечает бедный мужик.

Подаёт одного гуся барину с барыней:

— Вас двое — и вот вам гусь. Теперь вас стало трое.

Другого гуся двум сыновьям подал:

— И вас теперь трое стало.

Третьего подаёт дочерям:

— И вас стало трое.

Двух остальных гусей себе взял:

— И нас стало трое. Никому не обидно.

Барин рассмеялся:

— Ну молодец, мужик! Знал, как надо разделить, и себя не забыл!

Поднёс ему стаканчик винца, велел дать воз муки, а богатого мужика на конюшню послал, велел выпороть.

---

[1] Хлуп — птичье туловище.

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришёл домой. Стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и начали его корить родичи и знакомцы.

— Вишь, — говорят, — двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!

Обидно это ему показалось; собрался и пошёл царя смотреть.

Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, солдат?

— Так и так, ваше царское величество! Служил я тебе целых двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал: пришёл смотреть.

— Ну смотри!

Солдат три раза обошёл кругом царя, всё оглядывал.

Царь спрашивает:

— Хорош ли я?

— Хорош, — отвечает солдат.

— Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?

— Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно.

— А широка ли земля?

— Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!

— А глубока ли земля?

— Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!

Царь отослал солдата в темницу и наказал ему:

— Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей: умей по перу выдернуть.

— Ладно!

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал. Они думали-думали, не могли ответа дать, и велел их царь посадить в темницу. Спрашивает их солдат:

— Купцы-молодцы, вас за что посадили?

— Да, вишь, государь нас допрашивает, далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока, а мы — люди тёмные, не могли ответа дать.

— Дайте мне каждый по тысяче рублей, я вам правду скажу.

— Изволь, брат, только научи.

Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадывать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата. Задал купцам те же самые загадки и, как скоро они отгадали, отпустил их по своим местам.

— Ну, служба! Сумел по перу сдёрнуть?

— Сумел, царь-государь, да ещё по золотому!

— А далеко ль тебе до дому?

— Отсюда не видно — далеко, стало быть!

— Вот тебе тысячу рублей, ступай с миром!

Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

ПОП И БАТРАК

Потребовался одному попу батрак. Но так как поп был очень скупой и всё искал, чтобы кто к нему пошёл как можно подешевле, то никто к нему не нанимался.

Вот раз приходит к нему мужик-шутник и просит сена для лошади.

А поп ему говорит:

— Ты такой здоровый, молодой, а ходишь собираешь. Наймись-ка, свет, ко мне в работники.

— Можно. А сколько дашь?

— Буду платить смотря по твоей работе.

И сказал мужику цену. А как был тогда сенокос, то поп накормил его и повёл в луга указывать свой покос. Работ-

ник осмотрелся, а когда поп ушёл, лёг на траву и проспал весь день до вечера.

Каждый день мужик-шутник ходил на покос, и поп всегда давал ему с собой хлеба и сала. И вот раз батрак говорит:

— Больше я у тебя работать не буду, давай мне расчёт. Траву я у тебя всю скосил до единой травинки.

Дал ему поп всего несколько копеек. Работник остался недоволен и говорит:

— Прибавь ещё хоть кусок сала.

Но поп ему отказал наотрез:

— Я и то тебе переплатил, дал больше обещанного.

— Ну, раз ты мне не дашь сала, — сказал работник, — так пусть вся твоя травонька обратно встанет как некошеная!

И уехал. А поп пошёл в луга, посмотрел и удивился:

«Этот батрак не простой, а колдун: в самом деле стоит трава как некошеная».

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Говорит поп в церкви дьякону:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Старуха идёт, крынку масла несёт! — отвечает дьякон.

А дьячок поёт:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Старуха идёт, ржи мешок несёт! — отвечал дьякон.

Дьячок опять поёт:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Идёт мужик, несёт дубину на поповскую спину! — отвечает дьякон.

Тут поп и дьячок как запоют:

— Тебе, господи!

БАРИН-КУЗНЕЦ

Позавидовал один барин кузнецу: «Живёшь-живёшь, ещё когда-то урожай будет и денег дождёшься, а кузнец молотком постучал — и с деньгами. Дай кузницу заведу!»

Завёл барин кузницу; велел лакею мехи раздувать. Стоит ждёт заказчиков. Едет мимо мужик, шины заказать хочет на все четыре колеса.

— Эй, стой! Заезжай сюда! — крикнул барин.

Мужик подъехал.

— Чего тебе?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан[1].

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить!

— Полтораста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, возьму всего сто.

— Ладно.

Стал барин огонь раздувать, лакей — в мехи дуть.

Взял барин железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет — ковал, ковал да и пережёг железо.

— Ну, — говорит, — мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок[2].

— Один так один, — согласился мужик.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Не выйдет, мужичок, и один шинок, а выйдет ли, нет ли сошничок[3].

— Ну ладно, хоть сошничок, — отвечает мужик.

Постучал барин молотком, ещё железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничок, а выйдет ли, нет ли кочедычок[4].

— Ну хоть кочедычок!

Только у барина и на него железа не хватило: всё пережёг.

— Ну, мужичок, — говорит барин, — не выйдет и кочедык!

Получился у барина один «пшик»: сунул он в воду оставшийся кусочек раскалённого железа, оно и зашипело — «пшик!».

---

[1] На весь стан (станок) — на все колёса.

[2] Шинóк — здесь: шина, железный обруч на колесе.

[3] Сошни́к (сошничóк) — наконечник сохи или плуга, подрезающий пласт земли.

[4] Кочеды́к (кочедычóк) — лапотное шило.

БАРИН И МУЖИК

Поехал старик в поле пахать и выпахал клад денег, много золота — целый воз. Привёз клад домой и спрятал его. А сам говорит жене:

— Старуха, никому не сказывай! — И начал он следить за старухой.

А старуха-то пошла к соседке и говорит:

— Соседка, старик клад нашёл, только ты никому не сказывай.

Старик услыхал, что она про клад рассказывает, и велел ей напечь пирогов и блинов. Утром, как встал, позвал старуху, сели они в телегу и поехали в поле. И пироги с блинами старик захватил. А старуху посадил задом наперёд. Раскидал он пироги по дороге. Старуха увидала и кричит:

— Старик, пирогов-то сколько!

А он говорит:

— Собирай, старуха, это туча пирожная.

Старуха собрала и поклала всё в мешок.

Поехали дальше. А старик и блины раскидал.

Старуха кричит:

— Старик, а блинов-то сколько!

А старик говорит:

— Это туча выпала, старуха, блинная, собирай.

Старуха и блины собрала.

Поехали они лесом.

— Погоди, старуха, — говорит старик. — Я пойду погляжу: сеть тут у меня стоит.

Пошёл и принёс рыбу. До речки доехали. Старик пошёл и принёс оттуда капкан с зайцем.

День проработали. Вечером с поля поехали. Старик повёз старуху мимо барского дома. А у барина бал был. Старик и говорит:

— Вон как орут, видно, барина черти дерут.

Через несколько дней разнеслась молва и дошла до барина: старик деньги нашёл. Захотел барин этот клад отобрать. Призывает он старика и спрашивает:

— Ты, старик, клад нашёл?

— Какой, — говорит старик, — клад? Я никакого клада не знаю.

— Как — не знаешь? Твоя старуха говорит, что нашёл.

Призвали старуху. Стали её спрашивать:

— Ведь правда, бабушка?

Старик говорит:

— Нет, я никакого клада не знаю.

А старуха заверяет старика:

— Как — не нашёл? Нашёл ведь, старый. Помнишь, старик, когда мы с тобой поехали в поле, пирожная-то туча выпала?

— Не знаю, — говорит старик.

— Как — не знаешь? — уверяет старуха. — А блинная-то туча выпала? Забыл, старый?

Старик всё отказывается.

— А помнишь, — говорит она, — когда мы рыбу-то поймали в лесу, а капканом-то зайца в речке поймали?

— Не знаю, — твердит старик.

Старуха рассердилась:

— Как — не знаю? Помнишь, мы ехали мимо баринова двора, когда барина-то черти драли?

Рассердился тут барин и говорит:

— Выгнать её в шею!

Так у старика деньги и остались.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка́!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка́!

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

«По щучьему веленью,
По моему хотенью...»

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дерева́, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять.

Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли, услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печи:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого на́большего[1] вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что́ любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё сделает, что ни попросишь.

На́больший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

---

[1] **На́больший** — старший.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

На́больший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб? Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё...

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять на́большему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?
— Я — Марья-царевна.
Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощения просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

ДУРАК И БЕРЁЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое умных, третий дурак. Помер старик. Сыновья разделили имение по жеребью. Умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка. Умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит:

— И я, братцы, поведу своего быка продавать.

Зацепил быка верёвкою за рога и повёл в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая, сухая берёза; ветер подует — и берёза заскрипит.

«Почто берёза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка?»

— Ну, — говорит, — коли хочешь покупать — так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублёв стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!

Берёза ничего ему не отвечает, только скрипит, а дураку чудится, что она быка в долг просит.

— Изволь, я подожду до завтра!

Привязал быка к берёзе, распрощался с нею и пошёл домой.

Вот приехали умные братья и стали спрашивать:

— Ну что, дурак, продал быка?

— Продал.

— За дорого?

— За двадцать рублёв.

— А деньги где?

— Денег ещё не получал; сказано — завтра приходить.

— Эх ты, простота!

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошёл к берёзе за деньгами. Приходит в лес — стоит берёза, от ветра качается, а быка нету: ночью волки съели.

— Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь.

Ветер подул — берёза заскрипела, а дурак говорит:

— Ишь ты, какой неверный! Вчера сказывал: «Завтра отдам» — и нынче то же сулишь. Так и быть, подожду ещё один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны.

Воротился домой. Братья опять к нему пристают:

— Что, получил деньги?

— Нет, братцы! Пришлось ещё денег подождать.

— Да кому ты продал?

— Сухой берёзе в лесу.

— Экой дурак!

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Берёза скрипит да скрипит.

— Нет, земляк! Коли всё будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь.

Как хватит её топором — так щепки и посыпались во все стороны.

В той берёзе было дупло... а в том дупле разбойники спрятали полный котёл золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагрёб целую полу и потащил домой. Принёс и показывает братьям.

— Где ты, дурак, добыл столько?

— Земляк за быка отдал; да тут ещё не сполна всё,

чай, и половины домой не притащил. Пойдёмте-ка, братцы, забирать остальное.

Пошли в лес, забрали деньги и понесли домой.

Сказке — конец, а мне — мёду корец.

ЗАЯЦ

Бедный мужик шёл по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына. На те деньги куплю свинушку. Она принесёт мне двенадцать поросёночков. Поросятки вырастут, принесут ещё по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю. Мясо продам, а на денежки дом заведу да сам женюсь. Жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки наводить: «Эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! Шибко людей на работе не подгоняйте, видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал.

ЗА ДУРНОЙ ГОЛОВОЙ — НОГАМ РАБОТА!

Затопила баба печь и дыму в избу напустила — не продыхнуть. «Надо попросить у соседей решето — дым из избы вынести», — подумала баба и пошла к соседям, а дверь за собой не прикрыла.

Пришла к соседям. А те говорят:

— Нет у нас решета. Догада́ихе одолжили.

Отправилась баба к Догада́ихе, на край села, взяла у неё решето и пошла домой.

Вошла в избу, а дыму в ней как не бывало.

Смекнула тут баба, что, пока она ноги била, за решетом ходила, дым в дверь ушёл, и закорила сама себя: «За дурной головой — ногам работа!»

РАЗГОВОР

Повстречались под вечер два приятеля. Один другого и спрашивает:

— Чего сегодня делал?

— Рукавицы искал.

— Нашёл?

— Нашёл.

— Где ж они были?

— Да за поясом. А ты куда шагаешь?

— За семь вёрст.

— Киселя хлебать?

— Нет, комара искать.

— Это которого ж комара?

— Да того, который за нос укусить меня хочет.

— Да он же при тебе!

— Где это при мне?

— Да на носу у тебя!

ХОРОШО, ДА ХУДО

Встретились на дороге барин да мужик.

— Мужик, откуда ты?

— Издалеча, барин!

— А откуда?

— Из города Ростова, а барина Толстова.

— А велик ли город?

— Не мерил.

— А силен?

— Не боролся.

— Что ж там почём?

— Рожь да овёс по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам.

— А зачем ездил?

— За покупкой дорогою: за мерою гороха.

— Вот это хорошо!

— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Ехал да рассыпал.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Рассыпал-то меру, а подгрёб-то две!
— А вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— Да что ж?
— Посеял, да редок.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Хоть редок, да стручист!
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не совсем!
— А что ж?
— Поповы свиньи повадились горох топтать-топтать да и вытоптали.
— Этак худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил.
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Поповы собаки повадились свежину таскать-таскать да повытаскали.
— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я тех собак убил да жене шубу сшил.
— Вот это хорошо!
— Хорошо, да не дюже!
— А что ж?
— Пошла моя жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял.

— Вот это худо!
— Худо, да не дюже!
— А что ж?
— Я с попом судился-судился, сивого мерина да рыжую корову спустил — вот моё дело и выгорело.

РИФМЫ

Шиш по своим делам в город пошёл. Дело было летом, жарко.

Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.
— Это что такое — рифмы?
— А давайте так говорить, чтоб складно было.
— Давай.
— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?
— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

Я твоего Кузьму
За бороду возьму!

— Дядька говорит:
— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твово дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму: тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя.
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

Если ты Степан,
Садись на ероплан.
На ероплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дядька говорит:

Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

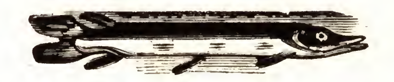
— Что ты, дяденька, такого и слова нет—«слезантий».

— Хотя и нет, всё равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везёт на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

СОДЕРЖАНИЕ

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

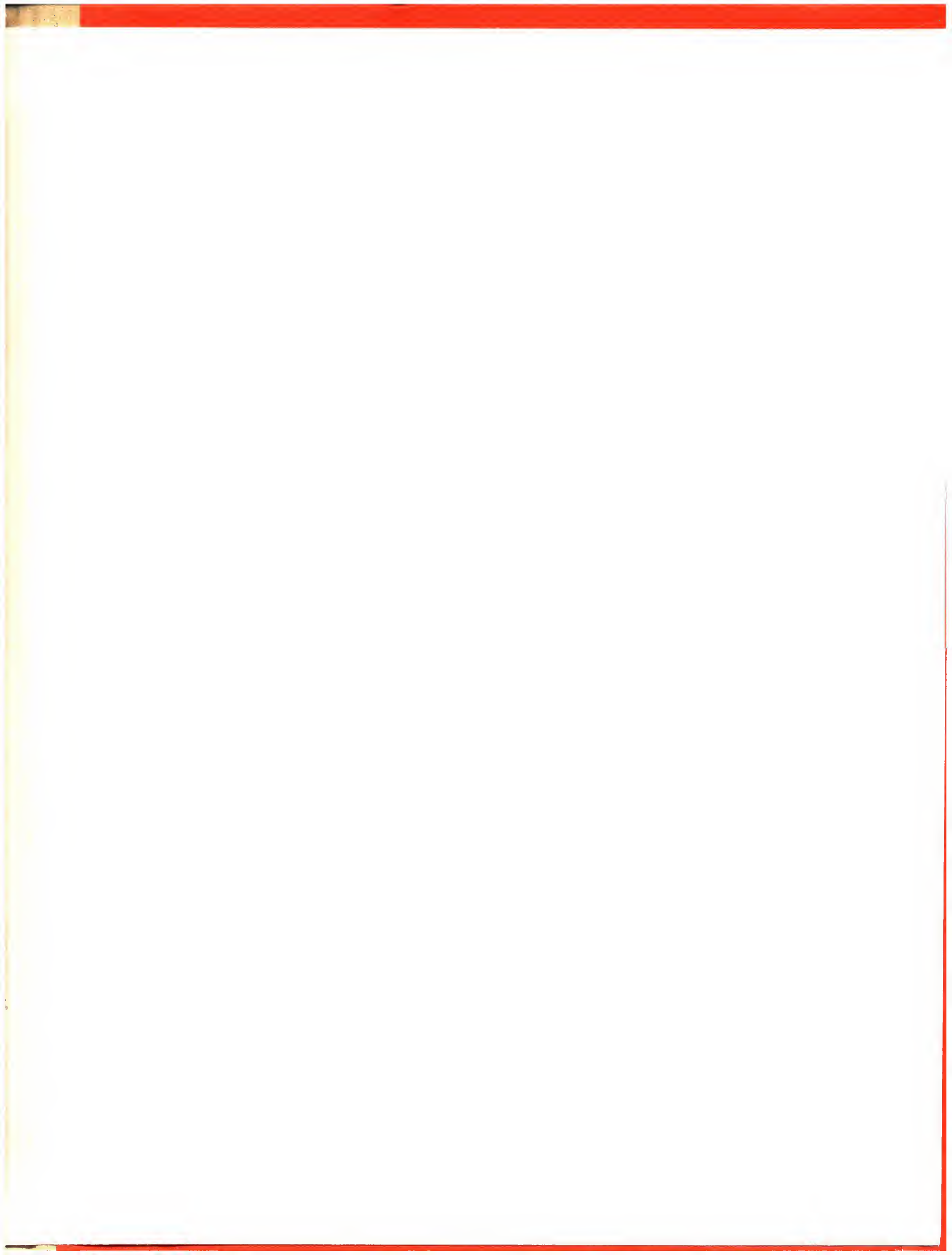

Для начальной школы

ИВАН—КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Русские народные сказки

Ответственный редактор Н. М. Кожемякина. Художественный редактор Л. Д. Бирюков. Технический редактор Г. Е. Гафт. Корректор С. П. Мосейчук. Подписано к печати с диапозитивов 19/II 1975 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 6,59. Тираж 400 000 экз. Заказ № 532. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 40 коп.